

ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ч. К. Ламажаа

Аннотация: В статье представлен тезаурусный подход и перспективы его применения к анализу тувинской культуры; очерчены особенности подхода и намечен путь для составления тезауруса тувинской культуры.

Ключевые слова: тувинская культура, прототувинская культура, культурогенез, кочевая культура, тезаурусный подход, словарь, методология.

Тувиноведение как область естественно-научного и гуманитарного знания, посвященная истории и культуре Республики Тыва (Тувы) и народов, которые населяют ее и определяют ее уникальный социокультурный облик, имеет и свою богатую историю, насчитывающую более двух веков, и определенные научные традиции (Ламажаа, 2010: Электр. ресурс). Гуманитарные исследования тувиноведения проводились в русле развития отечественного номадоведения, востоковедения, этнографии, культурологии. Соответственно, изучение культуры тувинского этноса представляется как региональный вариант развития советского и российского гуманитарного знания. Обрисуем его путь в наиболее общих чертах, чтобы представить новые перспективы исследований, которые мы связываем с тезаурусным подходом.

Начиная с путевых заметок путешественников XIX века об экзотическом крае в центре Азии, работ первых ученых-этнографов, лингвистов, востоковедов, наука обогащалась сведениями о быте, религии, обрядах тувинцев. До середины XX века, в основном, происходил сбор данных, прежде всего этнографических, а также археологических. Условно назовем данный период собирательным (его еще называют «период накопления и систематизации»). Можно сказать, что гуманитарное тувиноведение достигло больших результатов на этом этапе. Издано огромное количество работ, как учеными московских, ленинградских, новосибирских научных центров, так и собственными кадрами республики, которые начали работать прежде всего в первом научном центре, открывшемся в 1945 году — Тувинском научно-исследовательском институте языка, литературы и

истории (ныне — Тувинском институте гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва).

С определенного момента логика развития научного знания потребовала обобщить полученные сведения, применить целостный подход к предмету исследования, выявить связи и отношения между разрозненными на первый взгляд элементами культуры. Разумеется, в период собирания фактов, ученые также занимались реконструкцией целого. Точно также и сейчас продолжается собирательная деятельность. Но в целом, всталась задача соотнести труды разных лет друг с другом, осмыслить то, что было накоплено, провести параллели с данными о культурах родственных народов. Оценки «отсталая», «примитивная», также как и «прогрессивная» (советская), ушли в прошлое. На этом качественно новом, обобщающем этапе («аналитический период») культура признана ценностью, основой жизни народов. В том числе стали осмысливаться пути и формы изменений традиционной культуры тувинцев в соответствии с социальными изменениями тувинского общества в XX веке. Отсутствие идеологического давления дает возможность исследователям выбрать любую социальную, гуманитарную концепцию. Наиболее распространенным ныне стал культурно-цивилизационный подход, признающий уникальность развития каждой цивилизации, каждой культуры. Он может сочетаться с модернизационной теорией, рассматривающей пути трансформации традиционных обществ в сторону осовременивания, модернизации, которая стала насущной задачей для обществ в условиях глобализации.

Несмотря на развитие гуманитарного тувиноведения, появление работ обобщающего характера, опирающихся на основные положения культурно-цивилизационного подхода, в основной массе литературы еще сильны традиции первого собирательного этапа, когда анализ тувинской культуры структурируется в соответствии с делением на духовную и материальную стороны; в качестве предметов исследования берутся традиционные этнографические объекты и сферы — обрядность, религия, традиции, искусство и пр. Из работ, поднимающих общие вопросы тувинской культуры — ее эволюции, основных характеристик, опирающиеся на новые методологические подходы, можно назвать труды А. К. Кужугет, М.В.Монгуш, В. Ю. Сузукей и др.

Мы убеждены в том, что анализ сокровищницы тувинской культуры, как и каждой другой самобытной культуры, необходимо постоянно совершенствовать, дополнять на основе самых разных методологических подходов, позволяющих структурировать материал по-новому, определяя

тем самым и новые грани культурного богатства. Мы не случайно употребили слово «сокровищница», переходя тем самым к методологическому подходу, применение которого считаем весьма перспективным и чрезвычайно интересным в том числе для тувиноведения.

Речь идет о тезаурусном подходе, который был обоснован в работах Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова (Луков Вал., Луков Вл., 2008), и плодотворно применен в трудах других авторов (Кузнецова, 2005; Захаров, 2008; Тарасов, 2006 и др., а также см.: Тезаурусный анализ..., 2005–2011). Надо сказать, что данный подход представляет тенденцию, которая разворачивается в гуманитарном знании и которая является естественным следствием развития самой культуры — все большая субъективизация и отдаление от идеала науки как объективного знания. При этом, по мысли Вал. А. и Вл. А. Луковы, это не означает утери требований научности и поощрения субъективизма, речь идет о постановке человека в центр научных исследований, учет субъективной составляющей как в культуре, так и в науке (Луков Вал., Луков Вл., 2008: 7).

Поворот к субъективизму в научном знании XX века отразил в теории научных типов рациональности видный отечественный философ В. С. Степин. Наиболее разработанную типологию научного знания (с выделением классической, неклассической и постнеклассической стадий) он применил к естествознанию и тем самым создал единую основу для рассмотрения эволюции научного знания (Степин, 2000). Согласно его представлениям, изменения в науке носили революционный характер и сопровождались разными типами научной рациональности. Классический тип, по мнению В. С. Степина, центрирует свое внимание только на объекте и выносит за скобки все, что относится к субъекту и средствам деятельности. Только так считалось возможным получение объективно-истинного знания о мире. Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности; экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Наконец, постнеклассическая рациональность расширяет поле рефлексии над деятельностью. Она учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами субъекта познания (курсив наш. — Ч. Л.) (там же: 633–634).

Субъективизация проблематики культурных представлений отразилась в ряде работ этнологов, этносоциологов, культурологов, филологов. В этом направлении ведутся исследования идей «ценностей», «концептов», «кон-

стант» Ю. С. Степанова (Степанов, 1997), С. В. Лурье (Лурье, 2003), российско-монгольского коллектива ученых, работающих над исследованием особенностей Евразийского мира, под руководством Ю.В.Попкова (Евразийский мир..., 2010), М. Ю. Шишина (Константы культуры..., 2010) и др.

Ключевое понятие концепции Вал. А. и Вл. А. Луковых — «тезаурус» — восходит к греческому слову *thésaurós*, что означает ‘сокровище’, ‘сокровищницу’. Тезаурус — это полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх того также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира (Луков Вал., Луков Вл., 2008: 67). В тезаурусе отражается полнота некоторого знания (как качественная, а не количественная характеристика) для субъекта и соответствие этого знания целям, потребностям, интересам, установкам субъекта. Тезаурус даже сравнивают с сосудом (Ивахненко, Аттаева, 2007: 65).

Субъективность тезауруса выражается в том, что систематизация знаний в нем идет не от общего к частному, а от своего — к чужому как наиболее важному принципу отбора и выстраивания знаний об окружающем мире. Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим). В этом, как подчеркивают авторы концепции, отличие тезаурусной иерархии знаний от структуры научного знания. Речь идет не о противопоставлении, не об отрицании мирозерцания в культуре и науке, а лишь об особенностях познания мира, которое выстраивает для себя человек в культуре и исследователь для целей научного познания. Деление на свое и чужое может сопровождаться толерантностью к несходным мнениям, открытостью к другим культурам, сама граница своего и чужого подвижна. И именно в этом аспекте тезаурусная организация знания рассматривается исследователями как отличающаяся по своим системообразующим основаниям от объектной организации знания. Основное назначение тезауруса для субъекта — ориентировать его в окружающей среде и обеспечивать таким образом его жизнеспособность. Такая ориентация не сводится к адаптационной стратегии. Она содержит в себе и творчество, и эксперимент, и дестандартизацию. Помимо ориентационных знаний в тезаурусе содержатся также и «избыточные» знания, связь с прагматической целью которых уловить порой бывает очень сложно. Это, определяют авторы, — своего рода защитный механизм от застоя и деградации.

Вал. А. и Вл. А. Луковы указывают на то, что противопоставление

своего чужому присуще локальным, этническим культурам, однако, это можно назвать и универсальным способом ценностной ориентации.

Как именно выстраивается субъективный тезаурус и чем это построение отличается от научного структурирования знания, попытаемся разобрать на примере работ, которые непосредственно касаются тувиноведения.

Известное исследователям тюркских культур России издание коллектива авторов — Э. Л. Львовой, И. В. Октябрьской, А. М. Сагалаева, М.С.Усманова — под общим названием «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» (Новосибирск, 1988–1990) разделено на три тома, которые имеют следующие подзаголовки: «Пространство и время. Вещный мир» (1988), «Человек и общество» (1989) и «Знак и ритуал» (1990). Данная структура основана на применении авторами методологии анализа культуры, предложенной в начале 1970-х годов специалистом по средневековой культуре Запада А. Я. Гуревичем (Гуревич, 1972). Его предложение о работе с категориями культуры было признано одним из чрезвычайно интересных и плодотворных для исследования культур. По мнению медиевиста, мир культуры образует в обществе в конкретную историческую эпоху некую глобальность, и его можно рассматривать как воздух, которым дышат все члены общества, как всеобъемлющую среду, в которую они погружены. При этом базовыми понятиями картины мира для А. Я. Гуревича выступают так называемые категории культуры — не сформулированные явно, не высказанные эксплицитно, не вполне осознанные в культуре умственные установки, общие ориентации и привычки сознания; абстрактные понятия, присутствующие в общественном сознании представителей любых культур, потому — универсальные, методологически ценные. Категории культуры автор разделяет на две большие группы: космические и социальные, обращенные соответственно к вопросам познания окружающего мира, среды, и своего места в социуме, взаимоотношений между людьми. Гуревич хотел выяснить, как люди Средневековья воспринимали пространство и время, закон и право, богатство и бедность; при этом его интересуют не сформулированные теории, а представления, может быть, не вполне ясные самим их носителям.

Систематизация категорий культуры А. Я. Гуревича выполнена для целей научного исследования, для наибольшего понимания смыслового содержания совершенно разных культур. Категории культуры понимались автором как универсальная «сетка координат», которую можно было «набросить» на материал любой культуры. При этом, с точки зрения самой культуры, ее представителей, тем более если речь идет о древней

истории, таких категорий, как, например, пространство, время и пр., — может и не быть. Для человека существенное значение будет иметь даже не термин, понятие, а слова: «дом», «жена», «дети», «чужак» и пр. Об условности подхода, связанного с категориями культуры, писали и сами представители историко-антропологического направления. В частности, А. Я. Гуревич объяснял так выбор категорий культуры, с помощью которых анализировал культуру Средневековья: они «по своей сути фундаментальны и всеобщы, и о них можно вопрошать любую культуру». Но тут же он оговаривал, что «существуют такие стороны исторической действительности, которые в большей мере выражают ее сугубые особенности и образуют в своей совокупности ее неповторимый облик» (Гуревич, 1999: 13). В дальнейших монографиях медиевист развил свой подход, рассмотрев отношение к святости и чуду, образ потустороннего мира и соотношение двух эсхатологий и другие представления, присущие именно средневековой культуре Европы. При этом автор не отказывался от своей первой известной монографии, считая свои работы взаимно дополнительными (там же).

Авторы упомянутого трехтомника, посвященного традиционному мировоззрению тюрков Южной Сибири, опираясь на методологию А.Я.Гуревича, также постарались выделить не просто общие категории культуры кочевников региона, а — наиболее значимые, ценные категории практически — ценности именно в этой культуры¹. Так, раскрывая представления о пространстве и времени (Традиционное мировоззрение..., 1988), они анализируют мифы о начале мира, понимание тюрками того, что есть Родина, что в свою очередь может рассматриваться в терминах «Земля–вода», место и время, а также дом. Особое значение в кочевой культуре придается представлениям о пути, ином мире. Ключевыми понятиями вещного мира для тюрков, по мнению исследователей, стали первые ремесленники, демиурги, которые создали этот мир — верховные божества. Весьма значимой для людей была система ритуалов, которая регламентировала будничную жизнь. Космический и социальный порядок, который необходимо было поддерживать, имели свои зримые образы: дерево, гора, «молочное озеро». Символом стабильности в традиционной народной культуре выступал очаг, который связывался с целым кругом понятий: жилище, семья, род, племя и пр. Все эти понятия составляли собой основу для понимания того, что есть гармония мира, противоположностью которой был хаос.

Второй том исследования традиционного мировоззрения тюрков

Южной Сибири (Традиционное мировоззрение..., 1989) имеет следующие разделы: всеобщность жизни (родословная человека, животворящий хаос), путь к себе (мифологическая анатомия, уходящие с ветром, огонь глаз, образ и мысль), жизненный круг (решение судьбы, ab ovo, становление, зрелость, возвращение к истокам).

Подобной же методологической схемы придерживается, например, известный отечественный монголовед Н. Л. Жуковская, анализируя культуру, традиции и символику монгол (Жуковская, 2002). Рассматривая содержание космологических категорий этой культуры, она пишет о мифологическом и реальном пространстве, о юрте как центре мироздания, очаге как центре самой юрты, о двери, пороге и дымовом отверстии как границах своего и чужого миров, о принципах освоения пространства, маркировках границ и пр. Анализ представлений о времени монголами побуждает исследователя анализировать особенности народного календаря, его составные элементы, затем — праздники. Далее автор рассматривает отдельные культурные традиции (питания, представления о счастье, дарах, этикете и пр.).

В упомянутых работах очевидна схема анализа, которая ведет отсчет от общего к частному: от космологического начала сущего / жизни — к элементам бытия, жизни и их характеристикам. Таков же принцип заложен и в основу исследования основных характеристик и истории духовной основы тувинской культуры А. К. Кужугет (Кужугет, 2006). Автор пишет о мифологических и религиозно-мифологических основах культуры тувинцев, мировоззренческих аспектах обрядов, мифопоэтических основах стереотипов поведения и художественного творчества. В монографии автора по этой теме каждый раздел соответствующей главы содержит описание общего, затем анализ переход к вопросам частного — к конкретным обрядам, традициям.

Новые смысловые измерения тувинской культуры, на наш взгляд, можно получить, привлекая к материалу тезаурусный подход. Различие между ним и упомянутыми работами представляется различием между субъектной культурологией и объектной (Луков, Вал., Луков, Вл., 2008: 190–193). Объектная культурология стремится ответить на вопрос: «Как было на самом деле?», в то время как субъектная культурология отвечает на вопрос: «Как это отразилось в тезаурусах?» (там же: 191–192). При этом тезаурусный подход является частью научного познания, поэтому, разумеется, он остается научным подходом, не может повторить путь построения личностного тезауруса человека в культуре, не сможет вос-

создать культуру в точном соответствии с оригиналом. Это лишь попытка приблизить научное познание к тому пути, который проходит человек, становясь субъектом культуры. Именно поэтому для воссоздания тезауруса, например, этнической культуры, весьма важно, чтобы данный подход применяли ученые — представители этой культуры. Однако, и взгляд ученых — выходцев из других культур, также чрезвычайно интересен, поскольку будет показывать отражение тезауруса одной культуры в другой.

Итак, что основные положения тезаурусного подхода, или субъектной культурологии, дают нового для осмысления тувинской культуры? Тезаурусный подход позволит выстраивать, исследовать мир тувинской культуры глазами людей, которые в ней родились, выросли, живут — как они понимают эту культуру, как они чувствуют себя в ней, как они со своим мироощущением, сформированным в данной культуре, относятся ко всему, что их окружает. Тем самым, во-первых, речь идет о составлении тезауруса тувинской культуры на прочном теоретическом фундаменте, что помимо всего прочего делает возможным создание словаря тувинской культуры. Такого пока не существует, но потребность в котором есть и довольно острая — и для науки², и для образования, и для социальной практики.

Подобные работы были уже сделаны в отношении, например, русской культуры. Такая трактовка была предложена Ю. С. Степановым, создателем «Словаря русской культуры», единицами в котором выступают концепты, считающиеся базовыми, ключевыми элементами тезаурусного подхода. Их автор определяет как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Степанов, 2004: 43). В целом, Ю. С. Степанов называет культуру совокупностью концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах»: в «эволюционных семиотических рядах», а также в «парадигмах», «стилях», «изоглоссах», «рангах», «константах» и т. д. (там же: 40).

Принципиальным отличием концепта от термина (который является словом или словосочетанием, призванным точно обозначить понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы) является тот факт, что если последние через обобщение вычленяют общие элементы объективного мира — предметы, свойства, отношения, то концепты сохраняют общее свойство быть мыслью о предмете, сверх того

приобретают оттенок, отражающий их значимость для субъекта (Луков, Вал., Луков, Вл., 2008: 111). В целом, мы придерживаемся определения концепта, которое дали Вал. А. и Вл. А. Луковы: это особая структурная форма сознания, в котором присутствует сращение смысла, чувственного восприятия и образа (там же: 113).

Примерами концептов в тувинской культуре можно назвать: *төрээн черим* ('родная земля'), *авай* ('мама'), *ачай* ('папа'), *ада-ие* ('отец-мать', 'родители'), *мал* ('скот'), *хүн* ('Солнце', 'день'), *Шагаа* (празднование Нового года по лунному календарю) и многое другое. Это слова-образы, имеющие огромное значение в жизни человека, которые он понимает в обыденной жизни, которые составляют важные части его существования, являются в том числе мыслительными маркерами его идентичности, и которые сращены с другими образами повседневности. Многие из них известны науке, довольно подробно изучены, описаны. Некоторые, возможно, наукой еще не осмыслены даже как концепты культуры.

Однако, вышеупомянутые примеры концептов мы привели в произвольном порядке. О перспективах их систематизации — далее.

В первую очередь тезаурусный подход позволяет взглянуть и по-другому на генезис тувинской культуры, на проблему ее периодизации, поскольку понятно, что тезаурус культуры не будет неизменным, он меняется, как меняется со временем сама культура.

Вл. А. Луков, применяя тезаурусный подход к анализу европейской культуры, выявляет ее волнообразный ход развития, в которой сменяются стабильные и переходные периоды (Луков, 2011). Для периодов стабилизации, пишет он, характерна устремленность к системе и систематизации, поляризация культурных тенденций, известная замкнутость границ в сформировавшихся системах, выдвижение какой-либо культурной тенденции на центральные позиции, что нередко отмечено в названии периода (например, эпоха Просвещения). Для переходных периодов свойственны необычная пестрота культурных явлений, многообразие направлений развития без видимого предпочтения какого-либо одного из них, известная открытость границ систем, экспериментирование, приводящее к рождению новых культурных явлений, возникновение пред- и подсистем (предромантизм, неоклассицизм и т.д.), быстрые изменения «географии культуры» (там же: 7–8). Анализ собственно тезауруса европейской культуры Вл. А. Луков выстраивает по эпохам — выделенным стабильным и переходным периодам согласно указанным характеристикам.

Основанием для периодизации являются особенности развития художественной культуры (литературы, искусства) Западной Европы, в которой достаточно ярко отражаются, по его мнению, особенности познания европейцами мира.

Материалом для анализа генезиса тувинской культуры очевидно должны стать не только и не столько художественная культура, что обусловлено меньшим числом источников, в том числе письменных. Особенности рассматриваемой — этнической — культуры основываются на особенностях этнополитической истории как самих тувинцев, этнос которых сформировался в XVII — первой половине XVIII в. (Маннай-оол, 2004: 129), так и их предшественников — этносов Центральной Азии, компоненты которых приняли участие в этом формировании, а культурные традиции (не просто отдельными элементами, а практически комплексом) были переняты тувинцами. Образ жизни этих народов в целом характеризуется исследователями как развитое кочевничество, начиная с первых веков н.э. (Марков, 2010: 18). Функционирование письменности в регионе было тесно связано с возникновением и распадом этнических государственных образований³.

Главные источники для реконструкции тувинской культуры, особенно древних ее периодов, поставляют археология, этнография; последующие эпохи развития культуры позволяют отследить данные фольклористики, языкознания. При этом собственно тувинская культура считается уже хорошо изученной, но как ни парадоксально целостную картину тувинского культурогенеза еще никто не нарисовал.

Культурологи учитывают древнюю предысторию формирования культуры, но все же предпочитают не углубляться в далекое прошлое и анализ вопросов тувинской культуры обычно начинают с констатации уже сложившегося до XX века определенного комплекса. Например, А.К.Кужугет рассматривает два больших периода в развитии культуры: традиционный и трансформационный (фактически — переходный) (Кужугет, 2006). Если рассматривать с точки зрения модернизационного подхода, то, действительно, такая позиция правомерна. Главное в этом подходе — проанализировать процесс кардинального изменения природы общества, когда традиционность, сложившаяся и эволюционным путем, развивавшаяся на протяжении многих веков, даже тысячелетий, начинает трансформироваться в условиях модернизационных вызовов глобализирующегося мира. Другой пример: в исследовании В. Ю. Сузукей, по-

священном музыкальной культуре тувинцев, но основанном на анализе истории развития всей культуры, материал также выстроен, начиная с одного дореволюционного периода, а затем идут период строительства социализма и постсоветский период (Сузукей, 2005).

Однако, если мы говорим о собственно культурогенезе, то здесь следует учитывать все перипетии, происходившие и в ходе эволюционного развития. Тувинская культурология еще стоит перед весьма важной задачей: до сих пор нет периодизации тувинской культуры, которая бы учитывала и древние периоды истории, и соединяла традиционную историю с современными изменениями в культуре. Пока в наличии лишь, с одной стороны, разрозненные периодизации археологов, этнографов, историков древности (при реконструкции древних периодов истории и соответственно — культуры) и, с другой — работы культурологов, посвященные проблематике изменений в традиционной культуре тувинцев в течение XX века. Трудов, представляющих смычку между двумя этими видами работ, пока нет.

Углубление в анализ современной тувинской культуры, как и любой другой, неизбежно ставит вопрос об исторических особенностях ее развития, включающих и архаику, и последующие периоды предыстории. Не учитывать это, все равно, что начать анализ европейской культуры с Нового времени, полагая, что весь сложный предыдущий ход европейской истории можно рассматривать как единый, подводящий к особенностям складывающегося современного западного тезауруса. При таком подходе в «традиционный период» западноевропейской культуры «спрессуется» и нивелируется весь ход истории, расцветы и падения культуры, не будет определен вклад и значение каждого периода — древнегреческого, древнеримского, Средневековья, Возрождения...

Поэтому, признавая особую актуальность для тувиноведения и социальной практики анализа тувинской истории и культуры в XX веке, в том числе при помощи модернизационной теории, тем не менее, мы считаем важным обратить внимание на ранние этапы тувинского культурогенеза, на проблему преемственности тувинской культуры с культурами предшественников.

Очевидно, что для появления подобных масштабных работ в тувиноведении от их авторов — исследователей потребуется большая самоотдача, знание фундаментальных законов развития общества и культуры, владение литературой по всем пластам истории. Фактически нужны «энциклопедисты», каковых в данной научной области пока не наблюдается.

Если в самых общих характеристиках сделать предварительный на-

бросок тувинского культурогенеза, то в первую очередь мы можем говорить об эпохе формирования и развития прототувинской культуры (хронологический отрезок: первые века н.э. — примерно XVII в.), и только затем — об этапе появления и развития собственно тувинской культуры (примерно с XVII века до сегодняшних дней). С точки зрения тезаурусного подхода (обращающего внимание прежде всего на стабильные и переходные периоды), на обоих этапах можно выявить периоды стабильного функционирования культур и переходные периоды.

Стабильное существование прототувинской культуры соответствовало периодам относительного спокойствия в Великой степи: существования этнических племенных групп или в краткие периоды политического вакуума, или во времена укрепления древних этнокультурных государственных образований, которые давали возможность обрести культурам доминирующего и ряда подчиненных (не всех) этносов целостный характер со своими своеобразными чертами, в чем-то отличными от предшественников, но при этом сохраняющими линию преемственности, основанной на кочевом образе жизни.

Переходные же периоды соответствовали временам распадов государственных образований, войн кочевых племен между собой, смут, когда в процессе смены одной этнической доминанты на другую на политической арене в регионе происходил процесс смены условий для функционирования соответствующих культурных традиций.

Например, древнетюркская руническая письменность возникла в период развития древнетюркской государственности (VI–VIII вв.) для нужд административной и дипломатической практики, фиксации государственных актов и государственной традиции, а также и исходя из определенных религиозных мотивов (Кляшторный, 2005). Это был стабильный период для развития культуры, который еще продолжился примерно два века после гибели последнего тюркского каганата. Упомянутый вид письменности функционировал и у наследников древних тюрков (племен, говоривших на тюркских языках) — уйгур в период Уйгурского каганата (VIII–IX вв.), кыргызов в Древнекыргызском каганате (IX–X вв.), но затем был вытеснен — в переходный период — другими видами письма в связи с переходом доминирующего положения в регионе к племенам монгольского происхождения, до нового стабильного периода, который ведет отсчет с объединения монгол в Монгольскую империю Чингисхана в XII в.

Собственно тувинская этническая культура начала формироваться в

переходный период, когда Тува и проживавшие на ее территории тувинские племена в XVII — начале XVIII вв. входили в состав сначала государства Алтын-ханов (хотогойтов — омонголившись тувинцев, которые на некоторое время принимали российское подданство (История Тувы, 2001: 174)), затем — джунгар (племени монгольского происхождения). Существование этих государственных образований было нестабильным, сопровождалось постоянными междоусобными войнами, балансированием между российской и китайской империями.

Относительная политическая стабильность воцарилась лишь в середине XVIII в. (до начала XX в.), когда Тува была завоевана Маньчжурским Китаем, разбившим Джунгарское государство. Положение тувинцев осталось тяжелым, они также несли повинности и платили налоги, регулярно восставали против чужеземцев, но в целом именно этот период способствовал закреплению начатого ранее процесса — окончательному формированию самосознания этнической общности тыва (тувинцев). Важным обстоятельством было то, что с алтын-ханского периода внешние администрации не вмешивались во внутренние дела местного населения, предпочитая при помощи наместников выкачивать лишь ресурсы из края — дань, военную силу. Маньчжуры придерживались этой же политики, лишь распространив на территорию свое административное устройство, которое в итоге стало также одним из факторов процесса формирования этноса.

За эти полтора века — стабильный период — тувинская культура приобрела свою целостность, особенные характеристики, как культура бесписьменная, с приматом традиций, с религиозной синкретичностью (когда древние пласты религиозных верований сосуществовали с привнесенным еще с начала XVI века буддизмом). Это была в том числе культура определенной социальной иерархии, в которой на вершине наличествовал некий внешний чужеземный правитель⁴.

Следующий — переходный период — развития тувинской культуры, по нашему мнению, начался когда тувинская традиционность стала подвергаться реформированию, советизации. Причем, если изначально с тувинской традиционностью (1930–1950 гг.) боролись и противопоставляли ее новой советской культуре, позднее стало очевидно, что советская культура также основана на соблюдении ряда базовых традиций и тем самым тувинская культура получила возможность существовать несколько десятилетий, ассимилируясь с советской культурой (стабильный период).

Позже постсоветские реформы (в 1990 гг.) снова поставили этниче-

скую культуру перед необходимостью меняться, но теперь уже задачи были поставлены более радикальные, когда либеральные ценности совершенно противоречили тувинской советской традиционности. Так начался новый переходный период, который продолжается и ныне.

В целом, XX век остался для Тувы (как и для всего постсоветского пространства) весьма бурным веком, в котором происходили социальные катаклизмы, когда отказывались от одних культурных норм и вводили (или пытались ввести) новые, когда образно говоря отцы и дети не понимали друг друга, когда в обществе в один момент сосуществовали представители разных поколений и разных культурных миров. В тувинской культуре за этот век произошли изменения, появились новые формы, новые стили и жанры в литературе, искусстве. Пестрота культурной жизни региона в XX веке — сейчас как раз в центре внимания исследователей, фиксирующих утраты и достижения, взаимовлияния.

Среди возникших проблем со всей очевидностью проявилась разновременность культурных пластов в тезаурусе в этот переходный период. Например, в числе наблюдаемых явлений конца XX – начала XXI в. отмечается архаизация как актуализация архаического пласта в общественном сознании и поведении (см.: Ламажаа, 2011b). Исследование его как раз и требует более пристального внимания к ранним этапам тувинского культурогенеза, к рассмотрению не просто прошлого тувинской культуры как традиционного, но и качественно разных этапов в развитии этой традиционности.

Сделав этот предварительный набросок культурогенеза, который, конечно же, может быть уточнен при более детальном исследовании, вернемся к вопросу о тезаурусе культуры, останавливаясь на проблеме методологии его реконструкции. Каждый тип культуры (стабильный или переходный), как пишут Вал. А. и Вл. А. Луковы, порождается социальной деятельностью людей, их взаимодействием на всех уровнях социальности и в свою очередь порождает свой специфический образ человека в сознании людей, выступающий как нормативный образец (Луков, Вал., Луков Вл., 2008: 237).

Тезаурус, по мнению авторов, содержит в себе совокупность этих образов, образцов, концептов, и имеет определенную структуру. Она выстраивается по линии «свой — чужой» и содержит круг фундаментальных проблем, которые человек решает на протяжении всей своей жизни. Структура пирамиды содержит ступени (снизу — вверх):

- 1-я ступень: проблемы выживания;
- 2-я ступень: проблемы распространения, рождения детей, семьи, секса;
- 3-я ступень: проблемы власти, иерархической организации общества;
- 4-я ступень: проблемы коммуникации на уровне чувств (любовь, дружба, ненависть, зависть и т. д.);
- 5-я ступень: проблемы коммуникации на уровне диалога, высказывания, письма и т. д.;
- 6-я ступень: проблемы теоретического осмысления действительности;
- 7-я ступень: проблемы веры, интуиции, идеала, сверхсознания (Луков Вал., Луков Вл., 2008: 148).

Здесь перечислены, конечно же, самые общие проблемы. С точки зрения человека культуры его личный тезаурус будет представлять собой целостность, которая находится в динамическом развитии, особенно в периоды взросления, формирования личности. Какие-то концепты будут для человека важными и близкими в одном возрасте, какие-то — в другом; одни — будут актуальны в одном социальном статусе, другие — в другом. Изменение социальных условий может поменять расстановку концептов в круге «свои», выводя что-то за его круг (к «чужим»), или наоборот. Но будут и определенные концепты, которые останутся ядром тезауруса в любом возрасте. Авторы тезаурусной концепции, учитывая это обстоятельство, пишут о передвижении информации в тезаурусе с момента его первоначального освоения. Этот процесс зависит от множества разнонаправленных сил и факторов воздействия (там же: 150).

Однако, в целом схема, которой придерживаются авторы в представлении тезауруса каждой конкретной культурной эпохи, заключается в анализе общепринятых в культуре концептов, причем в следующем порядке: в движении от образов самого себя и другого человека, к представлениям о ближайшем социальном окружении, характере взаимоотношений с ним, вещной и символической средой, до образов более масштабных, но при этом более отдаленных социокультурных сущностей, феноменов, сил (поселение, страна, народ, человечество, нравственные императивы, наконец, культурная картина мира) (там же: 237). Структурно в исследовании это представляет собой список параграфов со специальными заголовками, например, стабильный период западноевропейской культуры

XVIII века рассматривается сквозь призму представлений: «Образ человека», «Джентельмен и «порядочный человек»», «Естественный человек», «Естественное воспитание», «Одиночество», «Дружба», «Любовь», «Мир вещей», «Цивилизационные процессы», «Просвещение», «Искусство», «Картина мира» (там же: 261–292).

Ю. С. Степанов же свой словарь констант русской культуры составил из выбранных им устойчивых, постоянных, базовых концептов, число которых невелико: «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Страх», «Любовь», «Вера» и пр. (Степанов, 2004: 6). Исследователь подчеркивает, что отбор концептов-констант был сделан им не произвольно, не субъективно, а на авторском толковании того, что было им найдено в текстах культуры (там же: 8).

На наш взгляд, методический ход тезаурусного подхода, отбора концептов можно уточнить, учитывая и вопрос динамики субъективных тезаурусов людей, общностей культуры, о чем также пишут Вал. А. и Вл. А. Лукковы, останавливаясь особо на тематиках тезаурусного строя социальных общностей и тезаурусной концепции социализации (там же: 532–555).

Процесс постижения культуры, ее тезауруса можно уподобить процессу формирования личного тезауруса человека данной культуры, тесно взаимосвязанному с процессом формирования, социализации личности. То есть речь идет о пути, который проделывает ребенок, растущий и постигающий окружающий его мир, становящийся человеком определенной культуры.

В этом случае вхождение в тезаурус можно начать в соответствии с этапами роста, взросления человека, причем выделяемыми в ходе его жизни традициями данной культуры, правилами этнопедагогики. Например, тувинцы, как определил один из авторитетных этнопедагогов К. Б. Салчак, насчитывали семь жизненных циклов: внутриутробную (*хырын иштиниц үези* — с момента зачатия до рождения), колыбельный (*кавайлыг үе* — от рождения до 1–2 лет), младенческий (*чаш үе* — от 2–3 до 3–4 лет), детский (*бичи үе* — от 3–4 до 9–11 лет), отроческий (*элээди үе* — от 9–11 до 15–16 лет), юношеский (*аняк үе* — от 15–16 до 25–26 лет), зрелый (*улуг кижии* — от 26 лет и выше) (Салчак, 1974). Согласно данной периодизации, сложение и развитие мыслительной деятельности, как пишет автор, приходится на третий цикл — младенческий.

Другой известный тувинский исследователь М. Б. Кенин-Лопсан, также выстраивая возрастную периодизацию и деля ее на семь возрастов,

обращает более пристальное внимание на старшие из них, насчитывая после молодости (16–29 лет) средний возраст (30–45 лет), старший возраст (46–61 год), пожилой возраст (61–81 год), старческий возраст (свыше 81 года) (по: Сундуй, 2009: 57).

Разумеется, личный тезаурус особенно в старших возрастных группах не будет претерпевать значительных изменений, поэтому более пристальное внимание следует уделить градации в детском возрасте и путь обогащения и формирования тезауруса выстроить по следующим этапам:

- детство в целом (младенчество, детство и отрочество, по Салчаку),
- молодость (юность, по Салчаку, и молодость, по Кенин-Лопсану),
- зрелость.

Не берясь за каталогизацию концептов тувинской культуры, которую еще предстоит сделать, в данной статье мы лишь ставим вопрос о том, в каком направлении можно двигаться в исследовании. Для учета исторических изменений в тезаурусе культуры, материал возможно выстраивать следующим образом: I. Возраст (детство, молодость, зрелость): концепт «А» (а) в прототувинских традициях, б) в традиционной тувинской культуре, в) в советское время, г) в постсоветское время). Тем самым мы одновременно рассмотрим в исследуемой тувинской культуре возрастные тезаурусы (детский, молодежный и взрослый), совместив их с проблематикой исторических изменений в тезаурусе культуры. Ход реконструкции тезауруса для каждого возраста, на наш взгляд, целесообразно выстраивать, опираясь и на наработки возрастной психологии в целом, и в частности — для конкретной тувинской культуры — к работам по этнопсихологии и этнопедагогике. Материалами для исторического анализа выступают данные археологии, этнографии, филологии (фольклористики).

Общее направление для отбора концептов во всех возрастных тезаурусах, как уже было сказано, — движение по представлениям, которые выстраиваются соответственно иерархии «свое — чужое», а также «чуждое». Во-первых, в самый ближний круг «своих» входят представления о тех объектах, явлениях, свойствах, отношениях, образах, которые ближе человеку, понятны ему, являются освоенными, в которых он нуждается, которые помогают ему в жизнедеятельности, в осознании себя и ориентации в окружающем мире. Во-вторых, «чужим» является то, что не входит в знакомый мир, более того — может противостоять «своему», даже угрожать ему. Но при этом, «чужое», как подчеркивают авторы тезаурусной концепции

Вал.А. Луков и Вл. А. Луков, все-таки до некоторой степени и «свое», т.е. может стать «своим» при определенных условиях. Представления о «своём» и «чужом» в совокупности составляют тезаурус, а вот «чуждым» становится все то, что трактуется как заведомо враждебное, а потому сразу отторгается, исключается из оценочного поля, ощущается как антиценность для самого тезауруса (Луков Вал., Луков Вл., 2008: 122–135).

Рассмотрим эти зоны для выявления концептов на примере детства. Для ребенка характерна сильная эмоциональная зависимость от семьи как главного источника переживаний, в этом возрасте человек осваивает предметную, игровую и учебную виды деятельности. Тезаурус детства кочевников в целом, тувинцев традиционной культуры будет обязательно включать концепты семьи, любви (родительской), родственников, дома, игр, народных сказок, отдельных положительных сказочных образов, домашних животных, скота. Это его круг «своего», «своих». «Чужими» для детей кочевников будут люди, которых они не знают, но могут видеть. Приезжающие в гости незнакомцы, даже члены того же рода, пока ребенок с ними не познакомится, будут «чужими». Со временем дети будут узнавать о наличии и других семей, других родов, представителей которых могут наблюдать сами. Они могут не быть враждебно настроенными, но останутся для ребенка «чужими», пока он до взросления не будет иметь с ними контактов. Качество «чужих своих» также получают отрицательные сказочные образы, с которыми детей будут знакомить взрослые.

Детство тувинцев советского времени уже дополнено необходимостью получения среднего образования, соответственно — кругом не только членов своей семьи, семей родственников, но и одноклассников, а порой и товарищей по интернатам, в которых проживали дети чабанов — ученики школ. Так, детство советской тувинской культуры было обогащено новыми обязательными элементами в круге «своих». Однако, ситуация не столь однозначна. С советского времени дети тувинцев начинают делиться на детей городских и сельских жителей; среди первых — появились и те, кто не владеет тувинским языком. Соответственно этим переменам у детей тувинцев — даже членов одного рода, родственников — круги «своих» стали различаться... Данные перемены в тезаурусах отражают трансформации, которые происходили с тувинской традиционной общественной жизнью, с родоплеменными отношениями в течение XX века. Современное детство тувинцев — уже особая тема для исследования, еще практически не тронутая, но которая назрела, т.к. поднимает вопросы существования трансформированной традиционной культуры в условиях

глобализации, влияния западной культуры (причем далеко не самого положительного). Очевидно, что тезаурусы современных тувинских детей, особенно городских (отроческого периода, а затем — молодежи) будут иметь достаточно много общих концептов — с тезаурусами детей (и молодежи) по всей России. Так, образы тувинских народных сказок в детских представлениях сегодня во многом теснят персонажи анимационных и художественных фильмов, прежде всего западного производства. Конечно, последний факт известен педагогам и развитие педагогики, основанной на приобщении к этническим традициям, сегодня является одной из важнейших задач в сфере культурной политики республики.

Освоение новых видов деятельности, включение в новые социальные отношения, приобретение новых социальных ролей при переходе на следующий возраст придадут в личном тезаурусе новые смыслы каждому уже имеющемуся концепту и пополнят его новыми. Если для ребенка родители были сначала его кормильцами, защитниками, будут составлять главных людей своего круга (в который также будут входить и братья, сестра), то в дальнейшем родители станут наставниками. Когда человек создаст свою семью, этот круг своих будет расширен и родители в нем, оставаясь главными людьми в жизни, будут олицетворять его связь с его родиной, с широким кругом родственников, и, наконец — людьми, о которых необходимо заботиться. Концепт любви будет связан уже не только с родителями, с родным домом. Волнуя молодого человека уже в новом виде, в новом воплощении, в привязанности к человеку противоположного пола, любовь уже будет осознаваться как новое чувство, новый мир образов. Концепты окружающего мира также обогатятся дополнительными знаниями, появится более полное представление в целом об окружающем мироздании. И так — далее, в том числе по блоку концептов зрелого возраста.

В итоге, структурно словарь тезауруса тувинской культуры в этом случае условно может выглядеть следующим образом.

Тезаурус тувинской культуры. Словарь.

о. Из истории развития тувинской культуры (вопросы тувинского культурогенеза).

I. Детство в тувинской культуре.

Концепт *Авай* («мама»)

а) в прототувинских традициях,

- б) в традиционной тувинской культуре,
- в) в советское время,
- г) в постсоветское время.

II. Молодость.

Концепт *Ынакшыл* («любовь»)

- а) в прототувинских традициях,
- б) в традиционной тувинской культуре,
- в) в советское время,
- г) в постсоветское время.

III. Зрелость.

Концепт *Чер* («земля»)

- а) в прототувинских традициях,
- б) в традиционной тувинской культуре,
- в) в советское время,
- г) в постсоветское время.

Кроме того, что таким образом мы получаем возможность открыть культуру с новой стороны, чрезвычайный исследовательский интерес, на наш взгляд, представляет сравнительный анализ изменений в самой культуре, с самых ее древних пластов до современности. И тем самым открываем новые перспективы для развития тувиноведения в целом, тувинской культурологии в частности, развивая и совершенствуя при помощи работы с конкретным эмпирическим материалом собственно тезаурусный подход в гуманитарном знании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичелдей, К. А. (2009) «Важно вовлекать ученых в государственные дела» / беседовала Ч. К. Ламажаа [Электр. издание] // Новые исследования Тувы. №№ 1–2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/112-bicheldey.html (дата обращения: 08.02.2012).
- Гуревич, А. Я. (1972) Категории средневековой культуры.
- Гуревич, А. Я. (1999) Избранные труды. В 2 т. М.–СПб. : Университетская книга. Том 2. Средневековый мир.
- Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация (2010) / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : ООО «Нонпарель».
- Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии : Культура. Традиции. Символика : Учебное пособие. М. : Восточная литература.
- Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

- Ивахненко, Е. Н., Аттаева, Л. И. (2007) Приключения неартикулированного интеллекта // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 60–68.
- Кляшторный, С. Г. (2005) Памятники письменности тюркских племен Центральной Азии и Сибири в раннем Средневековье // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ. С. 158–165.
- Константы культуры России и Монголии: очерки истории и теории (2010) / Под общ. ред. М.Ю.Шишина, Е. В. Макаровой. Барнаул : ОАО «Алтайский дом печати».
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев. : Структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ.
- Кузнецова, Т. Ф. (2005) Картина мира как проблема в курсе культурологии // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 28–32.
- Ламажаа, Ч. К. (2010) Тувиноведение: область знания и социальная миссия [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2542-lamazhaa.html (дата обращения: 12.01.2011).
- Ламажаа, Ч. К. (2011a) Проблема архаики и архаических категорий тувинской культуры // Вестник ВЭГУ. № 1. С. 109–116.
- Ламажаа, Ч. К. (2011b) Проблема архаизации общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) : автореф. дис. ... д. филос. н. М.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса.
- Луков, Вл. А. (2011) История культуры Европы XVIII–XIX веков : Учебное пособие. М. : ГИТР.
- Лурье, С. В. (2003) Что изучает психологическая антропология? // Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М. : Академический проект ; Деловая книга.
- Маннай-оол, М. Х. (2004). Тувинцы: происхождение и формирование тувинского этноса. Новосибирск : Наука.
- Марков, Г. Е. (2010) Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. 2-е изд., испр. М. : Красанд.
- Салчак, К. Д. (1974) Преемственность тувинских народных традиций воспитания и современной педагогической культуры : дисс. ... канд. пед. наук. Чебоксары-Кызыл.
- Степанов, Ю. С. (1997) Константы : Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры.
- Степанов, Ю. С. (2004) Константы : Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Академический проект.
- Сузукей, В. Ю. (2005) Конфигурация развития музыкальной культуры Тувы. Кемерово : КемГУКИ.
- Сундуй, Г. Д. (2009) Мир детства кочевой Азии. Кызыл : Институт развития национальной школы.
- Тарасов, А. Б. (2006) В поисках идеала: между литературой и реальностью. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета.
- Тезаурусный анализ мировой культуры : Сб. науч. трудов (2005–2011). Вып. 1–21 / Отв. ред. Вл.А.Луков. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Э. В. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество (1989) / Э. В. Львова, И.В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Непосредственно к тувинской культуре подход А. Я. Гуревича систематически пока никто не применял, хотя отдельные публикации о перспективах подобного исследования выходили, в том числе у автора данной статьи (см.: Ламажаа, 2011a).

² Об этом в частности говорил директор Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве РТ К. А. Бичелдей, упоминая о проекте энциклопедического издания «Тыва кижии» («Тувинцы») в беседе с автором данной статьи, см.: Бичелдей, 2009, Электр. издание.

³ Древнейшей считается т.н. орхоно-енисейская руническая письменность или тюркское руническое письмо, которое применялась в регионе в VIII–X вв. У монголов с начала XIII века начала применяться монгольская система письма на основе староуйгурского алфавита (т.н. старомонгольская письменность). Ее использовали в Туве в XIX веке, до 1930 года, после чего перешли на собственно тувинскую письменность на основе кириллицы.

⁴ Вся история тувинского общества практически представляет собой подчинение этого общества внешнему управлению (Алтын-ханы тувинского происхождения принимали русское подданство, затем Тува оказалась под властью джунгар, маньчжурского Китая, царской России, Советского государства). Краткий период собственной государственности с 1921 г. по 1944 г. кажется исключением из правила, но надо вспомнить о том, что государственность Танну-Тувинской народной республики была основана не без помощи большевиков из России, и после десятка лет управление республикой было взято под контроль коммунистами уже из числа тувинцев, обучавшихся в Москве, что привело в итоге к интеграции политических систем, вступлению ТНР в состав СССР.

THESAURUS APPROACH TO ANALYSIS OF THE TUVAN CULTURE

Ch. K. Lamazhaa

Abstract: Article presents the prospects of thesaurus approach in the analysis of the Tuvan culture. It defines the properties of such approach and outlines the paths for compiling the thesaurus of the Tuvan culture.

Keywords: Tuvan culture, proto-Tuvan culture, culturogenesis, nomad culture, thesaurus approach, methodology.